A 218/1190

А 218
1190.

РАЦІОНАЛИЗМЪ И ПРАВОСЛАВІЕ

Протоіерея Петра Смирнова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1893

РАЦІОНАЛИЗМЪ И ПРАВОСЛАВІЕ

Протоіерея Петра Смирнова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1893

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Іюня 18 дня 1893 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

2007043303

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Крушеніе жизни семейной и общественной въ 60-хъ годахъ	1
Причина зла—раціонализмъ	2
Значеніе этого слова	3
Границы разума въ дѣлахъ вѣры	—
Ереси и лжеученія, возникавшія въ Церкви, и отличіе отъ нихъ раціонализма послѣднихъ вѣковъ	4—5
Начала раціонализма въ ереси Пелагія	6
Основныя идеи пелагіанства и раціонализма	—
Главныя стадіи, по которымъ шелъ раціонализмъ къ своему развитію	7
Отношенія къ развитію раціонализма	—
католицизма	7—8
протестантства	9
новой философіи	8
Появленіе раціонализма	10
Формы его: деизмъ	10—12
пантеизмъ	13
матеріализмъ	—
философія безсознательнаго	14
Вопросъ о злѣ въ мірѣ	14—15
Буддизмъ въ мірѣ христіанскомъ	—
Способы распространенія философскихъ идей	16
Нестроеніе и бѣдствія, произведенныя раціонализмомъ	16—18
Вліяніе главныхъ идей раціонализма на школу	—
Абстрактизмъ въ школѣ	19
Ложный оптимизмъ въ школѣ	21
Интеллектуализмъ въ школѣ	24
Задачи православія въ отношеніи къ раціонализму	26—32

РАЦІОНАЛИЗМЪ И ПРАВОСЛАВІЕ.

Во второй половинѣ нынѣшняго вѣка жизнь наша и общественная и семейная потерпѣла сильное крушеніе. Новыя идеи о церкви, о государствѣ, о семьѣ и школѣ сбили ее съ прежнихъ устоевъ. Чувствовалось, что колебались самыя основы жизни, устранялась вѣра, дѣло клонилось къ явному безбожію. Всѣ эти новыя идеи неслись къ намъ съ Запада, но тамъ онѣ возникали и развивались болѣе или менѣе послѣдовательно, и этимъ нѣсколько ослаблялось ихъ зловредное вліяніе. У насъ до нѣкоторой поры задерживалось распространеніе этихъ новыхъ идей: въ 60-хъ же годахъ, подъ стремительнымъ напоромъ ихъ, наконецъ распахнулись двери, и пошелъ страшный круговоротъ, породившій необозримое множество психическихъ болѣзней, унесшихъ преждевременно также необозримое множество жизней и, среди разныхъ страшныхъ крушеній, преждевременно и съ такимъ жестокимъ насиліемъ, снесшій драгоцѣннѣйшую жизнь благороднѣйшаго и величайшаго изъ царей, пока наконецъ этотъ послѣдній страшный ударъ не поставилъ предъ нами роковаго вопроса: куда-же мы идемъ?

«Общество само себя отлучаетъ отъ Церкви», говорилъ одиннадцать лѣтъ (1882 г.) тому назадъ, вскорѣ послѣ страшной катастрофы цареубійства, съ обычною прямотою святитель Никаноръ, «одни оставляя таинства, обряды и всю дисциплину церковную, другіе устраняя себя отъ

таинствъ и хожденія въ церковь, а третьи и прямо отпадая отъ церкви». «Ясно-ли», спрашивалъ онъ, «куда мы идемъ, даже пришли уже?...» И продолжаетъ: «По ветхо и новозавѣтнымъ пророчествамъ рѣка временъ подмываетъ берегъ, на которомъ до сего дня стоитъ величественный, чрезвычайно прочный и архитектурно художественный, божественно прекрасный, храмъ христіанства, въ которомъ донынѣ славится имя Бога истиннаго, Бога высочайшаго, не ту скалу, она не сокрушится, на которой зиждется вселенская Христова Церковь, но тѣ устои, на которыхъ Христова Церковь держалась у насъ, въ нашемъ народѣ, и которые, повидимому, расшатываются и подгниваютъ. Многіе-ли со страхомъ присматриваются къ тому, не двигается-ли свѣтильникъ Христовъ съ мѣста своего отъ насъ вдаль куда либо, въ иныя мѣста, примѣрно, въ Японію?» «Пока дѣло заключалось только въ дикой болтовнѣ слѣпыхъ вождей слѣпой, хотя и мнящейся зрячею, толпы», говоритъ онъ въ томъ-же словѣ, «она то и знала, что забавлялась. А какъ сверкнули громы-молніи ужасныхъ дѣлъ, всѣ сперва испугались, а затѣмъ махаютъ рукой: будь, что будетъ, только-бы мимо насъ,—послѣ насъ хоть потопъ. Поворотить назадъ всѣ оказываются безсильными, даже толкаютъ другъ друга идти впередъ по склону исторіи, хотя и въ бездну погибели... Думаю-ли я самъ, что мы можемъ поворотить исторію назадъ? Помоги Боже» «У Бога вся возможна суть» [1]).

Теперь, по милости Божіей, подъ сѣнію мудраго Государя нашего, переживаемъ мы знаменательное время просвѣтлѣнія мыслей, исправленія сдѣланныхъ ошибокъ, возстановленія прежнихъ путей, завѣщанныхъ намъ тысячелѣтнею исторіею Россіи.

Что-же это за врагъ, накинувшійся на тысячелѣтнее

---

[1]) Поученій и бесѣдъ Т. I, стр. 52.

достояніе Россіи и драгоцѣннѣйшее наслѣдіе наше отъ отцевъ и предковъ нашихъ? Врагъ этотъ уже ясно и рельефно обозначился. Имя ему раціонализмъ.

Имя раціонализма—плѣнительное въ особенности для молодыхъ умовъ. Оно происходитъ отъ латинскаго слова ratio, которое значитъ разумъ. Этимъ онъ хочетъ сказать, что какъ во всѣхъ вещахъ, такъ и въ дѣлахъ религіи, все должно быть разумно.

Что-же? Ужели христіанская вѣра несогласна съ разумомъ? Напротивъ: она одна только изъ всѣхъ существующихъ вѣръ и согласна съ нимъ. *Пріиди и виждь*, вотъ ея девизъ. Посмотри, вникни, удостовѣрься, ты несомнѣнно увидишь и убѣдишься, что здѣсь истина.

Разуму въ дѣлѣ вѣры предоставлена широкая область: онъ и удостовѣряетъ подлинность источниковъ вѣры Писанія и Преданія, и раскрываетъ и уясняетъ богооткровенныя истины. Догматы вѣры прошли уже чрезъ длинный и многосложный процессъ разумнаго ихъ сознанія и уясненія, имѣютъ свою исторію, и еще остается необозримое поприще для новыхъ и новыхъ изслѣдованій разума. Едва-ли какая либо другая наука представляетъ такой глубокій, захватывающій всю душу, интересъ, какъ христіанская догматика. Свидѣтели сему—тѣ, извѣстные намъ поименно, свѣтскіе люди, которые, разъ заинтересовавшись глубокими богословскими вопросами, оторваться отъ нихъ уже не въ силахъ, и съ радостію и увлеченіемъ наполняютъ ихъ изслѣдованіемъ свои досуги.

Но разумъ долженъ знать свои границы, проводимыя его собственными законами. Нельзя выдумывать того, чего нѣтъ, или что еще не открыто. Если что дано свыше или было въ дѣйствительности, такъ надо и понимать, какъ что дано, или происходило. Это основные законы логики. Ихъ держится разумъ во всѣхъ наукахъ:—и въ исторіи и въ естествознаніи, долженъ держаться и въ Богословіи. *Преданіе*

сохрани, говоритъ Апостолъ, т. е. талантъ вѣры вселенской, объясняетъ сіи слова одинъ церковный учитель, сбереги въ цѣлости, неповрежденности. Что тебѣ ввѣрено, то пусть и остается у тебя, то ты и передавай. Ты получилъ золото, золото и отдавай. Не хочу, чтобы ты мнѣ подкидывалъ вмѣсто одного другое; не хочу, чтобы вмѣсто золота подставлялъ ты нагло и чрезъ обманъ свинецъ или мѣдь, не хочу золота по виду, давай его натурой»[1]).

Цѣлость догматовъ при всестороннемъ и глубокомъ, непрестанно продолжающемся, ихъ раскрытіи и уясненіи, строго и неприкосновенно блюдетъ разумъ Церкви вселенской: въ этомъ главнымъ образомъ состоитъ сущность и сила Православія [2]). Но съ первыхъ вѣковъ христіанства являлись попытки со стороны разума человѣческаго — примѣшивать къ истинѣ христіанскаго ученія свои измышленія, давать вмѣсто золота Откровенія своей низменной работы композицію. И должно сознаться, что въ особенности страдалъ этимъ Востокъ, и въ этихъ умственныхъ грѣхахъ Востока наибольшую долю участія принимала пытливая, привыкшая къ философскимъ изворотамъ и хитростямъ, мысль греческая. Западъ былъ относительно покоенъ. Тамъ не было такого бурнаго волненія ересей. Этимъ относительнымъ спокойствіемъ Запада въ сравненіи съ бурями Востока—даже хвалились папы предъ патріархами.

Но всѣ эти, возникавшія на Востокѣ, ереси—и аріанская и македоніева и несторіанская и монофизитская и монофелитская и иконоборческая и иныя—были не болѣе, какъ только попытки разума поставить ошибочное человѣческое

---

[1]) Викентій Ларинскій in commonit. 1, n. XXII. Patrolog. curs. compl. t. I. col. 669. Преосвященнаго Сильвестра О. П. Д. Богословія, Отд. 1, стр. 36.

[2]) Подробнѣе въ моей статьѣ „о Православіи вообще и въ частности по отношенію къ славянскимъ народамъ“. Стр. 13 и слѣд.

разсужденіе на мѣсто Богооткровенной вселенской истины, дать своей выдѣлки свинецъ или мѣдь вмѣсто золота Откровенія, попытки частныя, большею частію личныя, побѣдоносно, хотя и не безъ трудной, иногда даже кровавой, борьбы, отраженныя и послужившія затѣмъ къ уясненію богооткровенныхъ истинъ. Эти ереси, или исчезли безслѣдно, какъ ереси аріанская и македоніева, или остались, какъ нѣчто закоченѣвшее въ мертвой формулѣ, которой даютъ иной смыслъ повторяющіе ее, держась одной буквы, въ нѣкоторыхъ отторгшихся отъ единства вселенской церкви церквахъ Востока — іаковитской, маронитской, коптской, при чемъ въ другихъ отношеніяхъ эти церкви остаются вѣрными древней Церкви и даже хранятъ у себя достоподражаемыя ея черты, у другихъ нѣсколько измѣненныя и даже утраченныя.

Раціонализмъ послѣднихъ вѣковъ совсѣмъ не то. Это не одиночная мысль, не частное какое либо заблужденіе, а цѣлое сформировавшееся во всѣхъ отрасляхъ жизни, направленіе. Стремленіе его состоитъ въ томъ, чтобы совсѣмъ вытѣснить вѣру изъ сознанія, чтобы изгладить, если-бы это оказалось возможнымъ, и самое имя Бога христіанскаго. Уже и была поставлена въ легкомысленнѣйшей изъ всѣхъ странъ Запада, хотя и наиболѣе изъ всѣхъ ихъ даровитой, въ храмѣ, посвященномъ имени Бога Вышняго, и нѣсколько времени стояла тамъ позорищная фигура богини Разума... Вотъ затѣя раціонализма!

Гдѣ-же народился раціонализмъ въ нынѣшнемъ его видѣ? Родина раціонализма—тотъ спокойный и благодушный въ отношеніи ересей Востока—Западъ, откуда онъ и принесся къ намъ. Начала гнѣздившагося тамъ раціонализма можно услѣдить въ самой ранней исторіи запада. Нѣсколько сформировавшись, впервые онъ выглянулъ на свѣтъ Божій въ пелагіанской ереси, противъ которой съ такою силой и энергіей воинствовалъ блаженный Августинъ. Пелагіанство это какъ-бы модель будущаго зданія, какъ-бы контуръ имѣющаго явиться

впослѣдствіи исполина: въ немъ раціонализмъ обрисовался сразу во всѣхъ своихъ качествахъ и стремленіяхъ.

По лжеученію Пелагія, грѣхъ Адамовъ не имѣетъ значенія наслѣдственности и заразительности по отношенію къ его потомству. Всѣ люди и теперь раждаются такими-же невинными и непорочными, какими были прародители до своего грѣхопаденія. Слѣдуетъ только научить человѣка, какъ онъ долженъ себя вести, укрѣпить его волю въ данномъ направленіи, и человѣкъ будетъ добръ и святъ.

Вотъ эти-то три ложныхъ идеи и составляютъ сущность раціонализма. Каждый человѣкъ мыслится самъ по себѣ, совершенно отрѣшеннымъ отъ историческихъ связей, и личность его отрѣшается отъ всѣхъ стоящихъ предъ нимъ авторитетовъ: это первая и основная черта раціонализма—абстрактизмъ. Нѣтъ общей поврежденности человѣческой природы, значитъ нѣтъ нужды и въ искупленіи, не нужно и благодати возрожденія и другихъ таинствъ. Это—вторая черта раціонализма—ложный оптимизмъ и отверженіе всего, что носитъ на себѣ печать высшей помощи: не за чѣмъ она, безъ нея все можетъ быть хорошо. Превознесеніе знанія, ученія, въ которыхъ представляется всеисцѣляющее средство отъ золъ и бѣдъ человѣчества, или такъ называемый интеллектуализмъ—составляетъ третью основную черту раціонализма, откуда происходитъ и самое его названіе [1]).

Хотя ересь Пелагія и была отвергнута на многихъ соборахъ Запада и окончательно—на III вселенскомъ соборѣ, но она не исчезла, а во всѣхъ религіозныхъ движеніяхъ

---

[1]) Отношеніе древняго пелагіанства къ раціонализму послѣднихъ вѣковъ обстоятельно и подробно выяснено въ апологетическихъ чтеніяхъ Лютардта—XXXIII чтеніе и послѣдующія. Собранными въ сихъ чтеніяхъ данными о раціонализмѣ пользовались и мы при составленіи сего очерка. Апологія христіанства—переводъ А. П. Лопухина, стр. 543 и посл., СПБ. 1892, изданіе И. Л. Тузова.

Запада она постоянно появляется вновь, иногда въ прямомъ видѣ, чаще въ нѣсколько умѣренномъ, такъ называемомъ полупелагіанствѣ. При каждомъ своемъ появленіи пелагіанство постоянно обнаруживало стремленіе захватить всю область вѣры и нравственности и перестроить ихъ на свой ладъ.

Какъ образовался раціонализмъ изъ сѣмянъ, брошенныхъ Пелагіемъ, трудно изобразить: для сего нужно прослѣдить всю исторію Запада за 13 и болѣе вѣковъ, потому что и само пелагіанство, какъ выше замѣчено, имѣло свои причины въ ранней исторіи запада. Главная же трудность дѣла въ томъ, что въ міровомъ движеніи, подготовлявшемъ послѣднее страшное нападеніе на вѣру и церковь со стороны раціонализма, мѣнялись положенія: доброе, повидимому, движеніе, по дѣйствію врага, обращались во зло церкви, и наоборотъ изъ самаго крайняго зла, по дѣйствію Промысла, извлекаются добрыя послѣдствія. И наконецъ это увлекло бы насъ слишкомъ далеко. Посему ограничимся только указаніемъ главныхъ стадій, по которымъ зло раціонализма шло къ своему обнаруженію и совершенію. Такія стадіи представляютъ: 1) отдѣленіе западной церкви отъ единства Церкви вселенской, 2) возникновеніе протестантства, 3) появленіе новой философіи на развалинахъ средневѣковой схоластики.

Католичество на Западѣ представляетъ какъ-бы противовѣсъ протестантскому вольномыслію, но и католицизмъ въ основѣ своей есть одна изъ дерзкихъ попытокъ, которою предъ лицемъ Церкви заявилъ себя будущій раціонализмъ. Частная церковь свое неосновательное сужденіе осмѣлилась противопоставить вселенской истинѣ, прямо и ясно открытой въ Писаніи и также прямо и ясно опредѣленной Церковію на вселенскомъ соборѣ. Въ тоже время одинъ изъ пяти патріарховъ, совершенно равный имъ по степени и власти, пользуясь внѣшними благопріятствующими обстоятельствами, своевольно вышелъ изъ опредѣленныхъ вселенскими

канонами границъ своего положенія и пытался предвосхитить власть надъ всею Церковію, принадлежащую единому вѣчному главѣ Церкви Господу Іисусу Христу. Католичество съ другой стороны содѣйствовало образованію раціонализма измышленіями и подлогами въ пользу папскихъ притязаній и несоотвѣтственными вѣрѣ мѣрами въ отношеніи противниковъ въ родѣ инквизиціи и ей подобныхъ. Большой грѣхъ католицизма и въ томъ, что онъ внѣшнюю блестящую сторону религіи связалъ съ распущенностію дворовъ, напр. французскаго, и высшихъ классовъ въ этой и другихъ странахъ, и въ томъ, что онъ вмѣшался въ дѣла, не подлежащія духовной власти и запутался въ политикѣ, какъ и теперь, на нашихъ глазахъ, онъ ведетъ чрезвычайно опасную игру съ демократіей и соціализмомъ. Во всемъ этомъ скоплялись горючіе матеріалы: сюда направлены были стрѣлы и язвительныя издѣвательства раціоналистовъ, отъ которыхъ такъ смущалась совѣсть слабыхъ вѣрою.

Но если католичество съ его стремленіями и заблужденіями представляло среду благопріятную для развитія раціонализма, то протестантство было уже прямо его кормилицей. Оно провозгласило право собственнаго (субъективнаго) убѣжденія въ дѣлахъ вѣры. Этотъ принципъ субъективности тотчасъ-же. по возникновеніи протестантства, и заявилъ себя на Западѣ во всѣхъ областяхъ, какъ въ религіозной, такъ и въ нравственной и политической и общественной. Лютеръ видѣлъ, куда пошло дѣло, и въ послѣдніе годы свои пытался удержать распространеніе вольномыслія, но напрасно. Пробка выскочила изъ наполненнаго газами сосуда, и собрать эти газы опять въ сосудъ не было уже никакой возможности. Противъ вольномыслія въ протестантствѣ образовалось даже цѣлое направленіе—такъ называемый піэтизмъ, но своимъ напускнымъ благочестіемъ и ханжествомъ онъ только способствовалъ развитію раціонализма и ускорилъ его появленіе.

Въ сектѣ соцініанской видимъ какъ-бы естественной переходъ отъ протестантства къ раціонализму: соцініанство уже прямо и явно заявляетъ всѣ принципы раціонализма, хотя и усиливается еще держаться на почвѣ религіозной.

Возникновеніе новой философіи на развалинахъ средневѣковой схоластики было естественнымъ и законнымъ и во многихъ отношеніяхъ благопріятнымъ даже для вѣры движеніемъ великихъ умовъ, свергшихъ тяжкіе узы, наложенныя на человѣческую мысль папствомъ и латинствомъ, и открывшихъ для нея высокія сферы и широкія пространства. Имена Рене-Декарта, Бэкона Веруламскаго, основателей новой философіи,—почтенныя и великія имена: это міровые геніи, изобрѣтатели новыхъ путей и въ наукѣ и въ искусствѣ. Въ ихъ великихъ трудахъ основа для тѣхъ блестящихъ открытій, которыми такъ славится наше время. Ихъ великія идеи цѣнны и для богословской науки. Какъ близко свободный полетъ ихъ мыслей соприкасался съ областію высшаго Откровенія! О, если-бы этотъ полетъ философской мысли удержался въ томъ направленіи, какой намѣчали для него эти великіе мыслители, благоговѣвшіе предъ тайнами вѣры! Къ великому бѣдствію человѣчества, ко времени этого движенія новой философіи репрессаліями католичества и своеволіемъ протестантства уже подавлена была вѣра на Западѣ, расшатаны и ослаблены были устои, на которыхъ такъ величественно стояла нѣкогда церковь западная, а разумъ, благодаря трудамъ и успѣхамъ этихъ великихъ мыслителей и ореолу славы, окружавшему ихъ имена, слишкомъ былъ прославленъ и возвышенъ. Засимъ онъ уже не удержался въ должныхъ предѣлахъ и заявилъ притязаніе быть руководителемъ и вѣры. Надо много силы и ума и воли, чтобы, мысля свободно въ своей философской сферѣ, питать пріискреннее благоговѣніе къ высшему откровенію и въ своихъ мысляхъ постоянно имѣть ту границу, которая раздѣляетъ область вѣры и разума, а чтобы быть

вѣрнымъ первой требуется и еще важное условіе, нужно быть чистыми сердцемъ, ибо имъ дано обѣщаніе зрѣть Бога. Этимъ условіямъ не всегда отвѣчали и сами великіе мыслители: послѣдователи же ихъ, не имѣя ихъ ума, страдая отъ гордости и другихъ слабостей, перешли эту границу. Все съ большею и большею дерзостію, философскіе принципы: „de omnibus disputandum est“, „cogito, ergo sum“ и др. стали примѣнять и къ вопросамъ вѣры, и все превышающее въ ней разумъ, открытое свыше, таинственное относить къ предметамъ, подлежащимъ сомнѣнію. И стародавнее Пелагіанство обнаружилось уже въ видѣ исполина: это и есть раціонализмъ. Отсюда съ половины XVII вѣка и начинается его распространеніе и господство въ мірѣ христіанскомъ.

Но съ этихъ же самыхъ поръ начались и превращенія раціонализма. Оказывается, что самъ разумъ не можетъ твердо держаться безъ твердыхъ опоръ богооткровенной вѣры. Жизнь постоянно протестовала противъ его выводовъ и законоположеній, и ему самому нельзя было не сознавать сдѣланныхъ имъ ошибокъ и допущенныхъ заблужденій. Возникаютъ разныя философскія системы, каждая съ своимъ особымъ воззрѣніемъ на вопросы и дѣла вѣры. Въ началѣ своего возникновенія каждое изъ этихъ философскихъ ученій старается, по видимому, весьма добросовѣстно исправить недостатки и увлеченія предшествовавшихъ ученій, обѣщаетъ дать успокоеніе встревоженнымъ умамъ, но затѣмъ вдается въ противоположную крайность, въ новыя увлеченія и ошибки, а подкладка раціонализма остается та-же самая, по русской пословицѣ, раздаются тѣже старые погудки на нѣсколько иной ладъ и т. д. безъ конца, или вѣрнѣе, до того печальнаго конца, къ которому раціонализмъ теперь приходитъ.

Первая форма, въ которой выразилась философія въ качествѣ наставницы вѣры, была такъ называемый деизмъ, который взялся очистить христіанство отъ излишнихъ, какъ ка-

залось многимъ, а на Западѣ отчасти и дѣйствительно было, и искаженныхъ оболочекъ положительнаго церковнаго ученія и богослуженія и высвободить изъ подъ нихъ существенную истину. Деизмъ возникъ въ Британіи, родинѣ перваго раціоналиста Пелагія, и въ началѣ отличался серьезностію, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ сдѣлать что нибудь доброе, но вскорѣ сошелъ на почву легкомысленнаго и насмѣшливаго отношенія ко всему, что касалось вѣры и церкви и наконецъ дошелъ до того, что все содержаніе Откровенія, не только Преданіе, но и самое Писаніе, сталъ объявлять за преднамѣренное измышленіе: все де выдумали священники, по своему недоразумѣнію, а часто и съ умысломъ для своего возвышенія и обогащенія. Англичане, вслѣдствіе присущей этому народу практичности, скоро образумились, и первые зачинщики въ дѣлѣ невѣрія теперь съ особою бдительностію охраняютъ свое исповѣданіе. Но враждебное христіанству направленіе подхватили легкомысленные французы; здѣсь нашелъ удобное и широкое поле для своихъ издѣваній надъ религіей Вольтеръ, сюда подвернулся умиленный развратникъ Руссо, и вспыхнулъ въ этой странѣ такой пожаръ, который, не смотря на страшныя потрясенія, испытанныя ею, пылаетъ тамъ и теперь. Нѣмцы возвели идеи деизма въ нѣкоторую систему, въ которой онъ стоитъ, какъ философско-религіозное ученіе.

По ученію деистовъ, есть Богъ, но Онъ гдѣ-то за облаками, безъ всякой жизненной связи съ міромъ. Благодаря великимъ открытіямъ Ньютона, изъяснившаго движеніе міровъ, и Канта, опредѣлившаго въ душѣ человѣка нравственный императивъ, законы, по которымъ дѣйствуютъ міры вещественный и духовный, постигнуты. Къ чему еще нужно вводить особое воздѣйствіе на міръ Божества? Богъ сотворилъ міръ, далъ ему первый толчекъ, и пошла работать машина міра, какъ идутъ хорошо устроенные часы. «Двѣ вещи», заключаетъ Кантъ критику практическаго разума, «наполняютъ

душу мою все новымъ и возрастающимъ изумленіемъ и благоговѣніемъ, чѣмъ чаще и настойчивѣе занимается ими мышленіе: звѣздное небо надо мною и нравственный законъ во мнѣ». Какія, повидимому, прекрасныя слова, но погодите восхищаться, вникните глубже въ эти слова, и предъ вами встанетъ деистическое воззрѣніе съ его узкимъ кругозоромъ.

Итакъ нѣтъ, по ученію деистовъ, ни промысла, ни откровенія, ни искупленія и никакого чуда. Все, что нужно намъ, мы имѣемъ въ природѣ и совѣсти. Кто-же Іисусъ Христосъ? Это мудрецъ галилейскій, благочестивый равви, онъ болѣе другихъ древнихъ мудрецовъ постигъ истину, училъ людей добру и вѣрность своему убѣжденію запечатлѣлъ своею смертію. Тѣ великія слова, которыя говорилъ Онъ, восточная риторика преувеличила, поэтому надо подводить ихъ подъ мѣрку разума; чудеса, которыя разсказываются о немъ, должно объяснять естественно. Посему главную сущность въ Христіанствѣ составляютъ тѣ наставленія въ мудрости и добродѣтели, которыми прежде всего мы обязаны Іисусу Назаретскому, а, кромѣ него, и другимъ мудрецамъ древности, и то, что называютъ церковію, есть учрежденіе для такого именно назиданія и обученія и никакъ не болѣе. Особенныхъ благодатныхъ средствъ нѣтъ и быть не можетъ: ученіе о таинствахъ и другихъ посредствахъ благодати—это опасный для нравственности мистицизмъ. Вся суть дѣла только въ обученіи.

Мы съ особеннымъ вниманіемъ остановились на деизмѣ, потому что именно онъ смѣстилъ на Западѣ вѣру съ престола и поставилъ на этотъ престолъ разумъ. Обыкновенно отождествляютъ деизмъ съ раціонализмомъ, но вѣрнѣе считать деизмъ только первою формою раціонализма, за которой слѣдовали другія, вызывавшія одна другую односторонностію и крайностію воззрѣній.

Деизмъ признаетъ Бога, но лишаетъ его жизни и дѣятельности. Что-же это за мертвенное существо? И вотъ

философія вводитъ этого отдаленнаго и мертвеннаго бога въ міръ и предоставляетъ ему разнообразно проявить здѣсь неистощимое богатство сокровенной въ немъ жизни. Нѣтъ Бога, какъ отдѣльнаго отъ міра и личнаго существа, но самый міръ и есть богъ. Является пантеизмъ, господствуютъ надъ умами Спиноза, Гегель, Шеллингъ и др. Живо помнимъ, какое обаяніе во время нашего ученія на молодые умы оказывали магическія слова: *Богъ въ себѣ* — нѣчто обладающее великими силами, но не оформленное и неопредѣленное, *Богъ внѣ себя* т. е. разнообразно выражающійся въ многочисленныхъ видахъ природы, *Богъ для себя*, т. е. приходящій къ своему сознанію въ человѣкѣ. Если деизмъ оттолкнулъ умы отъ христіанства, то пантеизмъ привелъ ихъ къ язычеству: все божественно, и камень, поднимающійся въ утесѣ, и былинка, прозябающая изъ подъ земли, и животное, и особенно человѣкъ. И Господь нашъ Іисусъ Христосъ, по ученію пантеистовъ, тѣмъ и великъ, что въ первый разъ созналъ и провозгласилъ себя Богомъ. Бредни сіи до сихъ поръ возглашаетъ у насъ сбившійся съ своей дороги графъ Толстой.

Изъ крайностей пантеизма выродился матеріализмъ, тотъ же пантеизмъ, только обернувшійся на другую сторону. Идеи о Богѣ въ себѣ, внѣ себя и для себя, о deus implicitus и deus explicitus и другія—матеріализмъ объявилъ пустою и праздною фантазіею. Никакихъ нѣтъ идей, а во всемъ и вездѣ движется и разнообразится одно вещество. Мышленіе—это или химическій процессъ, или простое физическое вещедвиженіе. Ни Бога, ни ангела, ни духа, ни безсмертія нѣтъ: все это, по ученію матеріалистовъ пустыя слова. Это было время господства Фейербаха, Фохта, Молешотта, Дарвина, Конта и другихъ мыслителей чтеніемъ которыхъ упивалось уже послѣдующее за нами учившееся поколѣніе.

Но вѣдь есть же какія-то условія, при которыхъ одно и тоже вещество проявляется здѣсь въ этой, а тамъ въ

другой формѣ. Эти условія представляются не случайными, а носятъ печать опредѣленности, цѣлесообразности и какой-то присущей веществу разумности. Въ объясненіе этого является философія безсознательнаго. Являются Шопенгауеръ, Гартманъ и другіе мыслители. По ученію ихъ, существуетъ какое-то слѣпое влеченіе бытія, по которому все и дѣлается въ мірѣ. Міръ—продуктъ этого слѣпаго влеченія и тяготѣнія къ бытію. Это слѣпое влеченіе бытія названо волею міра, изъ которой выводятся законы и опредѣляются условія жизни міра. Это ученіе уже послѣдняго времени, еще и теперь господствующее надъ многими умами.

Всегда, предъ глазами всѣхъ указанныхъ мыслителей, стоялъ вопросъ о злѣ. Исторія грѣхопаденія и ученіе о наслѣдственномъ грѣхѣ раціонализмомъ отвергнуто: откуда же зло въ мірѣ? Дефисты причину зла въ человѣкѣ искали въ превратномъ воспитаніи, вліяніи со внѣ дурныхъ примѣровъ, а разныя нестроенія въ природѣ объясняли изъ случайныхъ причинъ, и эти нестроенія въ природѣ, напр. лиссабонское наводненіе и др., представляли какъ доказательство безучастія Божества къ міру. Пантеизмъ отрицаетъ самое бытіе зла въ мірѣ: кажущееся намъ зло не болѣе, какъ только недостатокъ добра, это тѣнь, отбрасываемая свѣтомъ, это даже необходимое условіе для жизненнаго движенія и прогресса. Матеріализмъ и въ особенности послѣдняя философія безсознательнаго утвердили за зломъ — норму жизни. Нечего предаваться иллюзіямъ. Зло, нестроенія, бѣдствія—это неизбѣжная принадлежность міра, образъ его бытія. Самый счастливый изъ насъ не знаетъ лучшаго момента въ жизни, какъ моментъ засыпанія, и самый несчастный не имѣетъ ничего худшаго, какъ моментъ пробужденія. Ни одно благо не удовлетворяетъ человѣка: послѣ каждаго наслажденія является чувство тяготящей тоски. Скорби и страданія вообще нагромождены въ мірѣ

исполинскими массами. Не лучше-ли было-бы, если-бы и не возникало такого міра? Да, твердо и настойчиво отвѣчаетъ философія послѣдняго времени, небытіе лучше бытія. Въ томъ только и преимущество человѣка предъ животными, что онъ во всякую минуту можетъ отдѣлаться отъ жизни пулей, петлей, отравой. Самое лучшее было-бы найти такое взрывчатое вещество, чтобы можно было весь міръ взорвать и уничтожить всякое бытіе. Но и на этой мечтѣ пессимизмъ не можетъ успокоиться. Кто можетъ поручиться, вздыхаетъ онъ, что слѣпая воля бытія не сдѣлаетъ съ нами опять злой своей шутки и не втолкнетъ насъ опять въ міръ на его страданія. Поэтому не лучше-ли изъ этой міровой безурядицы извлечь какую либо хотя временную, хотя на одинъ день, усладу горя. И вотъ, пессимистъ по убѣжденію, дѣлается оптимистомъ по вкусамъ и привычкамъ: тоскуетъ о міровой скорби и спѣшитъ въ тоже время насытиться удовольствіями, какими только можно. Но и жизнь сибаритовъ, по видимому вполнѣ удовлетворенныхъ жизнію, часто кончается или пулей, или отъ стрихнина. Дѣлается это очень просто: сидѣлъ, бесѣдовалъ, былъ, по видимому, такъ покоенъ, веселъ: вышелъ въ другую комнату, выстрѣлъ и конецъ всему.

Къ этой игрѣ съ міровою скорбію удивительно какъ подошелъ азіатскій буддизмъ съ его влеченіями къ нирванѣ. И вотъ въ Парижѣ, гдѣ такъ шибко бьется пульсъ міровой жизни, уже распространяется это стародавнее язычество, повыписали туда и бонзъ и махатмъ, буддѣ создаются алтари и возносится куреніе фиміама, и серьезные мужи и знатныя дамы преклоняютъ предъ идоломъ свои колѣна.

Весьма остроумно ко всему этому погибельному движенію раціонализма примѣняется, въ особенности ненавистная ему, исторія грѣхопаденія. Неужели Богъ сказалъ?—вотъ девизъ первой формы раціонализма—деизма. Ко всему прилагается вопросъ: неужели это отъ Бога? и затѣмъ отри-

цается и то, и другое, и третье — и откровеніе и промыслъ: остается только одно имя Божіе... «Вы сами будете, какъ боги»—это девизъ пантеизма. «И жена увидѣла, что было-бы хорошо вкусить отъ древа и ѣла»—это символъ матеріализма. Страхъ, смущеніе, попытка скрыться, ложь и прочее и прочее—все это можетъ быть отнесено къ скорби и отчаянію пессимизма.

Можно спросить: все-же это философія и извѣстныя философскія школы, работаютъ великіе ученые въ тиши своихъ кабинетовъ, читаютъ съ своихъ каѳедръ лекціи избранному числу слушателей, книги ихъ такія большія, мудреныя, языкъ непонятный, тяжелый: какъ же они распространяются? Нельзя философскихъ идей удержать въ кабинетахъ или аудиторіи. Чрезъ верхніе слои — ученыхъ, правителей, чрезъ учащуюся молодежь, чрезъ журналы и газеты, чрезъ разные популярныя изданія они быстро распространяются и сильно вліяютъ на жизнь. Всѣ философскія движенія послѣдняго времени уже ярко отпечатлѣлись и въ положеніи церкви и въ устройствѣ государствъ, и въ политикѣ, и въ торговлѣ, во всѣхъ отрасляхъ жизни. И непричастная учености толпа жадно вслушивается въ выводы противныхъ вѣрѣ и закону Божію философскихъ ученій и пользуется ими для разнузданія своихъ страстей. Бывали попытки охранить философскія идеи отъ ихъ популяризаціи, но оказалось, что въ наше время нельзя ничего утаить. Духъ времени, враждебный вѣрѣ, проникаетъ чрезъ всѣ стѣны и преграды тысячами незримыхъ путей, и волнуетъ и разрушаетъ жизнь, какъ объ этомъ заявляетъ она фактами слишкомъ громкими и печальными.

Невозможно изобразить, трудно даже перечислить всѣ тѣ нестроенія, которыя произвелъ раціонализмъ послѣднихъ вѣковъ. Самое, конечно, гибельное — это отверженіе вѣры, церкви и за симъ отверженіе одной за другой всѣхъ основъ, на которыхъ держится жизнь человѣческая, о чемъ уже

достаточно сказано выше. Но невѣріе, какъ давно замѣчено, болѣзнь нестолько ума, сколько воли. Сужденія въ родѣ слѣдующихъ: «я этого не понимаю», «я этого не признаю», означаютъ не столько какое либо углубленіе мысли въ предлежащій сужденію вопросъ, сколько именно движеніе злой воли. «Мнѣ это не нравится», «это мѣшаетъ тому то» — вотъ сокровенная подкладка большей части заявляемыхъ сомнѣній и недоумѣній. Отъ этихъ порывовъ своеволія нарушается повиновеніе старшимъ, презираются авторитеты, отвергается первая изъ властей по своему происхожденію—родительская и даже самая высшая по своему значенію—царская, разрываются супружескія связи, открыто существуютъ и нагло заявляются незаконныя сожитія и такъ далѣе и далѣе, до отравленія дѣтей, до отцеубійствъ, до самоубійствъ и парами и цѣлыми семьями при самой циническої обстановкѣ. Такой же переворотъ или, вѣрнѣе, переполохъ произвелъ раціонализмъ и въ понятіяхъ о государственномъ управленіи, объ общественныхъ связяхъ, отношеніяхъ. Конституціонное правленіе есть еще нѣкоторое примиреніе между требованіями раціонализма и исторически данными властями государства, и, какъ компромиссъ, само находится въ постоянномъ колебаніи и неизбѣжно. при всѣхъ предусмотрѣніяхъ, колеблетъ жизнь народовъ. Но излюбленныя формы правленія у раціонализма это республика, демократія и, если-бы только возможно было, полное безначаліе. Девизъ раціонализма—полная свобода во всемъ, «оставьте, пусть дѣлаетъ всякъ, что хочетъ». И вотъ, подъ страшнымъ гнетомъ своеволія, одно за другимъ стали рушиться всѣ огражденія, которыя удерживали общественныя отношенія людей въ предѣлахъ закона и порядка, и распахнулись двери страстямъ и всякому разврату: развилась до ужасающихъ размѣровъ страсть къ наживѣ; ростовщики, по преимуществу евреи, забрали въ руки страшные капиталы; размножились трактирныя и питейныя заведенія, пошлые мел-

кіе театры, заведенія для танцовальныхъ увеселеній, разные «варьетѐ» и «ренессансы»; усилилось до послѣдней степени пьянство въ народахъ, возросъ до ужасающей цифры процентъ преступленій. До крайности опошлено самое искусство, подъ разнузданный вкусъ публики писались, въ надеждѣ на барышъ, соблазнительныя картины, въ родѣ извѣстной «Нана». Провозглашалась сентенція, что собственность есть воровство, оправдывались всякія хищенія и страшныя уголовныя преступленія. И самъ раціонализмъ кралъ изъ сокровищницы Откровенія высокія истины, выдавалъ за свои, будто бы только чрезъ него они и явились міру, и перетолковывалъ ихъ на свой ладъ. Какія страшныя злоупотребленія раціонализмъ сдѣлалъ изъ христіанскихъ понятій свободы, равенства, братства, показываютъ ужасы французскихъ революцій и коммуны. Вообще нѣтъ области въ жизни человѣческой, гдѣ бы не отпечатлѣлъ раціонализмъ своего страшнаго зловреднаго вліянія.

Но есть одинъ нервъ въ церковной, государственной и общественной жизни, который въ особенности нѣженъ и чуткъ ко всѣмъ переворотамъ философіи съ тѣхъ поръ, какъ она стала учительницей вѣры, — это школа, не одна высшая и средняя, но и низшая и даже, какъ ни странно это кажется, сія послѣдняя по преимуществу. Зная такую чуткость школы къ передовымъ идеямъ вѣка и великое значеніе въ особенности начальнаго воспитанія и образованія для народныхъ массъ, и сами проводники и распространители этихъ новыхъ идей старались дѣйствовать на общество посредствомъ школы. Такъ, напримѣръ, Руссо зажегъ пожаръ революціи во Франціи извѣстнымъ педагогическимъ романомъ «Эмиль». Базедовъ, Песталоцци, Дипперъ, Дистервегъ—всѣ эти такъ знакомые и нашей школѣ руководители ея на западѣ—стояли въ ближайшей и даже непосредственной связи съ философскими движеніями своего

времени и были проводниками ихъ въ школу и общество. Надо сказать даже болѣе: нѣтъ ни одного выдающагося мыслителя, поэта, который бы такъ или иначе не повліялъ на школу. Разверните исторію педагогики за послѣднее время: въ ней вы увидите всѣ извѣстныя умственныя знаменитости нашего времени, и такъ какъ всѣ они болѣе или менѣе учили и дѣйствовали въ духѣ раціонализма, то духъ этотъ глубоко и со всѣхъ сторонъ проникъ въ школы, въ томъ ряду и въ нашу бѣдную сельскую школу.

Возьмемъ каждую изъ трехъ главныхъ идей раціонализма и посмотримъ какъ онѣ отразились на школѣ.

Первая идея раціонализма — абстрактизмъ, т. е. свобода и независимость каждой особи отъ всѣхъ историческихъ связей и всѣхъ авторитетовъ. Это стремленіе къ абстрактизму выражалось въ усиліяхъ педагоговъ отстранить отъ дѣтей всякое постороннее вліяніе. Идеалъ воспитанія, по Руссо, въ томъ, чтобы до 12 лѣтъ выдержать ребенка и отрока здоровымъ и сильнымъ въ такой непосредственности, чтобы онъ не умѣлъ отличить правой руки отъ лѣвой. Тогда, по увѣренію Руссо, онъ скоро, подъ руководствомъ умнаго наставника, сдѣлается разсудительнымъ. «Лишь бы сдѣлалъ онъ дюжимъ, а потомъ скоро будетъ и разумнымъ». 15-ти лѣтъ Эмиль не знаетъ, есть ли у него душа. Ему рано знать объ этомъ даже и на 18 году. Узнаетъ— чего добраго ранѣе, никогда о ней хорошо не узнаетъ. Но какъ такая изоляція ребенка, отрока, юноши возможна только въ романѣ, а не въ дѣйствительности, то по убѣжденію педагоговъ раціоналистовъ, по крайней мѣрѣ надо всячески стараться изолировать школу отъ посторонннихъ вліяній. Школа, по словамъ раціоналистовъ, — самостоятельная величина, стоящая отдѣльно и независимо и отъ семьи, и отъ церкви, и даже отъ государства. Никто не смѣй соваться въ ея дѣла. Въ особенности она должна быть независима

отъ церкви. Долой священниковъ. Чему нужно, могутъ научить и свѣтскіе люди. Любопытны резоны, по которымъ церковь на Западѣ отстранялась отъ школы. «Школа исконидочь церкви»—говорили патеры и пасторы. «То было и прошло», возражали имъ педагоги раціоналисты. Теперь школа достигла совершеннолѣтія и имѣетъ полное право *сама собою, вольнымъ путемъ* проходить жизнь. Мать де сама т. е. церковь должна позаботиться, чтобы дочка ея школа встала на свои ноги.» «Церковь воспитала и взлелѣяла школу, должна же имѣть связи съ нею», возражали тѣ. «Да, отвѣчали имъ педагоги-раціоналисты, — прежняя схоластическая школа была взлелѣяна церковію, но она оказалась никуда негодною. Нынѣшняя швейцарская и нѣмецкая школа выросла изъ всеобщаго народнаго образованія, пріобрѣтеннаго собственнымъ трудомъ народа. Потому ей нѣтъ никакого дѣла до церкви. Церковь есть только частица общественнаго устройства (замѣчаніе, должно сказать, справедливое и весьма ѣдкое по отношенію къ протестантству и даже самому католичеству), нельзя къ ней привязать школу: она общее достояніе». «Церковныя вѣдомства смотрятъ де на школу, какъ на дѣло стороннее. Нѣтъ у нихъ, т. е. у служителей церкви, ни досуга, ни средствъ, ни достаточнаго образованія, ни педагогической опытности, ни умѣнья, ни такта для веденія школьнаго дѣла и особенно руководительства имъ». «Безъ твердаго религіознаго и нравственнаго образованія не возможны ни повиновеніе закону, ни гражданскій порядокъ», говорили защитники церкви. «Вотъ и открывается, возражали на это защитники правъ школы, зачѣмъ нуженъ надзоръ священниковъ— это шпіоны, это доносчики на учителей». Споръ выступалъ изъ предѣловъ вопроса и ставился другой вопросъ: должна ли школа быть въ зависимости отъ государства? Говорятъ: «нѣтъ, не должна. Учитель де не чиновникъ, нельзя де ему поддѣ-

лываться къ политикѣ и обдѣлывать умы на разные лады». Дистервегъ совѣтовалъ каждому своему воспитаннику прусскому шульмейстеру, «да будетъ онъ охваченъ порывающимся потокомъ эпохи», «да овладѣетъ онъ отвагою свободомыслія». Автокефальность школы нѣкоторое время признавалась какъ будто и государственною властію напр. въ Пруссіи, пока эта же государственная власть не забрала ее въ свои руки для употребленія въ качествѣ орудія въ извѣстной культурной борьбѣ. На что страшенъ былъ князь Бисмаркъ, но и онъ нѣкоторое время заискивалъ у сельскихъ учителей и писалъ имъ: «вы товарищи мои въ борьбѣ противъ врага», врагъ этотъ—церковь. Вся эта борьба за самовластность школы отдавалась и у насъ, и наши сельскіе учители возымѣли особенную отвагу противодѣйствовать по крайней мѣрѣ вліянію на школу духовенства... Священники не напрасно сторонились отъ школы. Имъ невыносимо было явно непріязненное отношеніе къ нимъ учителей. Кому неизвѣстно, что и у насъ поднимался вопросъ о свѣтскихъ преподавателяхъ Закона Божія и едва не былъ рѣшенъ утвердительно?

Оптимизмъ раціонализма отразился въ школѣ превозношеніемъ природы вообще и человѣческой въ особенности. Руссо начинаетъ своего Эмиля словами: «все прекрасно выходитъ изъ рукъ творца; все портится въ рукахъ людей». При этомъ однакожъ совершенно игнорируется грѣховная испорченность людей, такъ рѣзко обнаруживающаяся и въ самомъ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, а видятся однѣ только прекрасныя свойства дѣтской натуры. Нѣкто Зульцеръ, получивъ въ свое завѣдываніе народное образованіе въ Силезіи, въ докладѣ королю Фридриху Великому распространялся въ похвалахъ естественной добротѣ людей, все болѣе и болѣе открывающейся ему при исполненіи порученнаго ему дѣла. Любезный Зульцеръ, отвѣчаетъ ему Фридрихъ Великій, «вы не знаете этой негодной породы». Это трезвое слово умнаго человѣка одна-

коже не подѣйствовало на увлеченныхъ педагоговъ. Природа человѣческая признана была совершенствомъ и въ педагогіи утверждается принципъ «сообразнаго съ природой развитія», «свободнаго и не стѣсненнаго развитія натуры». Этотъ принципъ сообразнаго съ природою развитія извѣстенъ подъ именемъ антропологическаго, который выставляется школою въ противовѣсъ церковному, вообще христіанскому. Корень зла, по ученію слова Божія, въ эгоизмѣ и гордости, а напротивъ эти-то именно грѣховныя наклонности и выдвигались новой школой, какъ корень и источникъ всѣхъ благородныхъ движеній сердца. «Развѣ не естественная самолюбовь (т. е. по нашему сказать эгоистическое самолюбіе) заставляетъ насъ любить того, кто намъ желаетъ добра? восклицаетъ савойскій викарій, деистъ по убѣжденію, въ Эмилѣ. Выдвинувъ на первый планъ самолюбіе, школа цѣлію своею полагаетъ подготовленіе къ самопомощи, чтобы ни отъ кого не быть въ зависимости и ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждаться. Почему главнымъ въ ученіи почитается практически полезное: все, не имѣющее отношенія къ обыденной жизни, пренебрегается школой, какъ предметъ трансцедентальный: отсюда узкій утилитаризмъ новѣйшей школы. Всѣ эти принципы такъ несогласны съ ученіемъ христіанской религіи, что она никакъ не могла ужиться съ ними въ школѣ. И вотъ начинается въ школѣ гоненіе на христіанство, догму, уставы, обряды. Прежде всего поднимается гоненіе на катихизисъ. Зачѣмъ эта сушь, этотъ наборъ какихъ-то непонятныхъ формулъ и текстовъ? «Еслибы мнѣ пришлось», говоритъ Руссо, «символически изобразить глупость, то я представилъ-бы педанта, обучающаго дѣтей по катихизису». И у насъ было своего рода не то что гоненіе на катихизисъ, а игнорированіе его: катихизисъ былъ въ извѣстномъ цѣлостномъ его составѣ изъятъ изъ школьной программы. Символъ вѣры, молитва Господня и Заповѣди отнесены къ молитвамъ, тамъ въ ряду

другихъ дается имъ объясненіе, и довольно. Затѣмъ стали урѣзывать священную исторію. Поднимается гоненіе въ особенности на Ветхозавѣтную священную исторію. Слышатся возглашенія: «зачѣмъ Ветхій завѣтъ? Мы люди Новаго завѣта. Тамъ духъ страха, здѣсь любовь». И у насъ—сказавъ нѣсколько словъ о сотвореніи міра и грѣхопаденіи—прямо шагали къ исторіи Новозавѣтной. Глубоковоспитательные, ни чѣмъ незамѣнимые для первоначальнаго дѣтскаго образованія, разсказы изъ священной исторіи, напр. исторія Іосифа, отлагаются въ сторону. «Зачѣмъ, говорили также у насъ, читать Псалтырь и Часословъ? Не лучше ли читать Евангеліе? Зачѣмъ по-славянски? Лучше по-русски». Слова иногда слышались красивыя, но смыслъ въ нихъ былъ худой. Затѣмъ ветхозавѣтную и новозавѣтную исторію начали рѣзать на мелкіе куски, перемѣшали эти куски съ отрывками изъ объясненія молитвъ, изъ ученія о Богослуженіи, и всю эту путаницу преподнесли школѣ въ видѣ такъ называемой совмѣстной, или, какъ громко тогда возглашали, концентрической системы. Всему этому можно было бы подвести цитаты: это взято изъ Базедова, это изъ Песталоцци, это изъ Днѣпера и Днстервега, и все это представлялось притомъ въ видѣ утрированномъ и искаженномъ. И все это дѣлалось, по видимому, съ доброю цѣлію—облегчить дѣтей, всячески уяснить имъ, чрезъ разныя сближенія, непостижимое и высокимъ умомъ, никакъ неподозрѣвая, что тамъ, откуда шли эти заимствованія, цѣлію всѣхъ желаній и мыслей было одно—всячески урѣзать, унизить, обезличить, омертвить преподованіе Закона Божія въ погибельныхъ видахъ раціонализма. Пока у насъ вводили всѣ эти диковинки, заграницей давно исключалось изъ школъ все, что носило печать вѣры и церкви. «Дѣло ученія, говорилъ еще Базедовъ, не католическое, не лютеранское, не реформатское; мы филантропы и космополиты. Естественная религія и нравоученіе,—вотъ предметъ обученія въ школахъ». Въ своей Дессаутской школѣ Базедовъ

самъ преподавалъ Законъ Божій и хвалился, что въ его школѣ всѣ равны и іуден и магометане и деисты (о христіанахъ уже ни слова). Онъ завелъ въ школѣ даже свое особенное школьное богослуженіе. Отдѣлана была особая комната-молельня. Главный цвѣтъ на стѣнахъ перемежался черными штрихами, чтобы представить перевѣсъ добра надъ зломъ. Средина пола представляла подобіе гроба для напоминанія о смерти. Главную святыню сего самодѣльнаго храма составлялъ ковчегъ, въ которомъ хранилась книга законовъ и завѣта Господня. Крышка ковчега зеркальная: испытуй де себя по закону Господню. По сторонамъ ковчега двѣ свѣчи: онѣ означали два способа наученія—сторонняго поученія и собственнаго наученія. Надъ ковчегомъ 4 статуи: символы разсудительности, умѣренности, справедливости и благотворительности. — Извѣстный философъ Гердеръ, за узкость и односторонность этой системы, все сводившей къ одной отвлеченной морали и прозаическому благоразумію, далъ о ней такой отзывъ: «по этой системѣ я не позволилъ-бы воспитывать даже телятъ. а не только дѣтей». Дѣло однакоже шло далѣе и кончается тѣмъ, что изъ школъ выносятъ иконы и запрещаютъ въ нихъ произносить имя Бога.

Интеллектуализмъ школы выразился въ томъ, что въ начальной школѣ главнымъ дѣломъ считалось не религіозное настроеніе, не нравственное воспитаніе, а сообщеніе наибольшаго количества знаній. «Ближайшая задача народной школы состоитъ въ томъ, говорятъ велемудрые педагоги новой школы, чтобы давать опредѣленную мѣру научныхъ и практическихъ познаній, а потребности настоящаго времени опредѣляютъ эту мѣру не низко». И вотъ то широкое поле. которое прежде отводилось въ школѣ церковному и вообще религіозному воспитанію. было заполонено разными предметами, не имѣющими къ начальной школѣ никакого отношенія. По школьной программѣ одного изъ округовъ Германіи одиннадцатилѣтнія

дѣвочки, дочери простыхъ и бѣдныхъ людей, изучали исторію египтянъ, индѣйцевъ, ассиріянъ, грековъ, римлянъ, знакомились съ пѣснію Нибелунговъ; въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ въ одноклассныхъ народныхъ школахъ и въ самыхъ ничтожныхъ деревняхъ преподавались зоологія, минералогія, химія, физика. Что сей крайности не избѣгли и наши школы, свидѣтельствуютъ тѣ христоматіи и книги для чтенія, которыя явились у насъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и, безъ сомнѣнія имѣли въ виду отвѣтить потребностямъ времени: чего, чего не набито въ нихъ! Вполнѣ естественно, что по мѣрѣ того, какъ увеличивается число предметовъ, самое необходимое именно чтеніе и письмо (не говоря уже о Законѣ Божіемъ) сильно страдаетъ и становится недостаточнымъ, и вотъ не разъ не только у насъ, но и заграницей раздавались жалобы, что за послѣднее время школа отстала въ самыхъ простыхъ предметахъ—именно въ письмѣ, чтеніи и счисленіи. Но главное зло отъ этой многопредметности—это верхоглядство, самомнительность, кичливость и презрительность, развивавшіяся въ молодомъ поколѣніи. Здѣсь наихудшія опасности для общества. Нѣкоторые думали предупредить зло тѣмъ, что вводили въ школы элементы государственнаго права и національной экономіи, чтобы создать такимъ образомъ въ учащемся поколѣніи нѣкоторый оплотъ противъ соціальной демократіи. Но это повело къ новому нагроможденію предметовъ и нисколько не помогало дѣлу, напротивъ еще—придавало школѣ политическій оттѣнокъ. Сельскіе учителя еще болѣе возмнили о себѣ, какъ о двигателяхъ не только науки, но и самой политики. Выше сказано было, какъ ухаживалъ за ними самъ знаменитый Бисмаркъ, пока не согнулъ ихъ подъ свою желѣзную руку. Кому неизвѣстно, что и у насъ школа для крамольниковъ была однимъ изъ средствъ и притомъ самымъ дѣйственнымъ хожденія въ народѣ, и чего не наговорили-бы дѣтямъ разные Нечаевы и Соловьевы тамъ въ четырехъ стѣнахъ

школы, гдѣ открыты имъ нѣжныя, довѣрчивыя и впечатлительныя, какъ воскъ мягкій, дѣтскія сердца и гдѣ никто посторонній ихъ не слышитъ..., еслибы дать имъ ту волю, какой требуетъ раціонализмъ для школы.

Изъ представленнаго краткаго и бѣглаго очерка раціонализма открывается, что это страшный врагъ вѣры и церкви, далеко оставляющій за собою всѣ бывшія въ ней ереси и лжеученія, подготовлявшійся въ теченіе 17 вѣковъ и поставившій задачею упразднить христіанскую вѣру и церковь и возвратить народы къ минувшимъ временамъ язычества, и еслибы оказалось возможнымъ, то и къ допотопному безвѣрію и совершенному погруженію въ чувственность. Въ обнаруженіи, подготовленіи, выступѣ, дѣйствіяхъ этого врага видна не человѣческая сила. Что значимъ мы, слабые люди, даже великіе изъ насъ, въ той міровой борьбѣ, которую отъ начала вѣковъ ведетъ древній змій, человѣкоубійца искони, съ Агнцемъ Божіимъ, закланнымъ за грѣхи міра. Тамъ колесницы и кони, какъ это было открыто тайновидцу, другу Господню.

Натискъ этого врага былъ особенно стремителенъ и опасенъ у насъ. Какъ бурный вѣтеръ, онъ вдругъ ворвался въ двери нашего дома. Потерпѣвъ тяжкую болѣзнь и перенеся какое либо жестокое испытаніе, мы съ ужасомъ оглядываемся назадъ и представляемъ, въ какой мы были страшной опасности, а въ то время какъ будто ее не замѣчали. Тоже самое представляется теперь, когда оглянемся на эти ужасные шестидесятные и семидесятные годы, а въ то время какъ будто-бы и не чувствовали особенныхъ опасностей. Намъ казалось:—такое ужъ время было, такъ де должно было быть, ничего не подѣлаешь. По немногу, шагъ за шагомъ, мы шли все далѣе и далѣе въ глубь бездны, соглашались на разныя уступки, боялись и сказать что либо противъ, въ особенности подраставшему поколѣнію, отцы раболѣпствовали предъ дѣтьми, матери плакали въ тихомолку отъ страшныхъ, неслыханныхъ

прежде, дерзостей сыновъ и дщерей, начальники поступались своею властію, на судѣ неумытной правды нагло заявлялись и затѣмъ оправдывались самыя тяжкія преступленія. Такъ легко привыкли смотрѣть на все. Ну, и поплатились же, и какими страшными жертвами поплатились. Какая часть общества, какое учрежденіе, какой домъ, какая семья могутъ считать себя совершенно уцѣлѣвшими отъ пронесшагося урагана?

Россія, если спасена, то единственно милостію Божіею. Ни въ одно время ея существованія не было столь многихъ, столь явныхъ, столь поразительныхъ чудесъ. Нельзя было не видѣть десницы Господней. *Живу Азъ,* говорилъ намъ Господь въ то время, когда со всѣхъ сторонъ и слышалось и читалось, и сквозь строки и явно, объ универсѣ, объ абсолютѣ, о ничто всемогущемъ. Поэзія—живая выразительница мыслей и чувствъ народныхъ. Припомнимъ вдохновенныя слова поэта, по поводу самого поразительнаго, величайшаго изъ чудесъ, явленныхъ въ наше время. Слова сіи въ свое время произвели на всѣхъ такое сильное впечатлѣніе.

Тутъ ураганы, тутъ стихіи
Тутъ подняты, тутъ взмущены
Сердецъ народныхъ всей Россіи
Заповѣдныя глубины!
Предъ ней, предъ всей стомилліонной,
Одно изъ Божіихъ чудесъ.
Стремится, славой окруженный,
Сонмъ Божьихъ ангеловъ съ небесъ,
И средь крушеній массъ желѣзныхъ,
Хранитъ Царя, Его Семью,
И самъ Господь, съ высотъ надзвѣздныхъ,
Простеръ надъ ними длань свою.
И зримъ отъ хладной полуночи
До Гималая образъ сей,
И упиваются имъ очи,
И слезы льются изъ очей.

Да! среди забвеній вѣры, среди увлеченій ваалами и астартами нашего времени, была какъ будто новая, какъ-бы только открывалась свыше истина, что есть Богъ живый, всемогущій, и что Онъ, а не воображаемое «ничто», правитъ міромъ.

Раціонализмъ въ послѣднее время уже видимо самъ разрѣшается въ ничто. Это разрѣшеніе началось съ той поры, какъ вслѣдъ за идеалистическимъ пантеизмомъ сталъ распространяться матеріализмъ. Онъ не разъ уже являлся въ мірѣ и всегда былъ признакомъ разложенія. Деизмъ и пантеизмъ скинули съ людей узы закона Божія и разнуздали чувственность, а чего желаетъ сердце, то усиливается оправдать разумъ. Матеріализмъ теоретическій есть послѣдствіе матеріализма практическаго. Но онъ уже конецъ философіи, смерть для всего идеальнаго. Если за предѣлами видимаго—нѣтъ больше уже ничего, то естественно философія прекращается: возможна физика, химія, что хотите, только не философія. Но и у пораженнаго смертію бываютъ конвульсивныя подергиванія. Явилась попытка самому матеріализму придать видъ трансцедентальной науки въ такъ называемомъ позитивизмѣ, и на этомъ дѣло не стало — явилась философія безсознательнаго. Борьба еще далеко не окончена. Опасность настоитъ, и еще многіе гибнутъ. Въ церкви ежедневно возглашается молитва: «вразуми заблуждшія, вложи въ нихъ страхъ Твой божественный, направи ихъ на путь истины». Времена нѣкотораго затишья—самыя опасныя въ міровой борьбѣ. Кто знаетъ: врагъ вѣры и церкви, можетъ быть, уже куетъ новое противъ нихъ оружіе! Кто изъ нашихъ отцевъ и предковъ могъ ожидать, что во 2-ой половинѣ XIX вѣка Господу Спасителю противопоставятъ индійскаго будду, что христіанскіе поэты разукрасятъ его цвѣтами сорванными съ Евангелія, и что ему будутъ покланяться въ самомъ центрѣ цивилизованнаго міра. Всесильное «ничто» еще господствуетъ надъ мно-

гими умами. Поэзія и здѣсь является провозвѣстницей и истолковательницей жизни. Въ апрѣльской книжкѣ Русскаго Вѣстника нынѣшняго года напечатано стихотвореніе другаго нашего маститаго поэта Полонскаго, и тотчасъ-же всѣми было отмѣчено, какъ живая и яркая картина современнаго направленія умовъ.

Всесильное ничто—бездушный мракъ, могила
Бездонная всего, что движется,—что было
И есть и будетъ,—смерть смертей!
Я не могу безъ содраганья
Ни мыслить о тебѣ, ни о судьбѣ людей,
Прильнувшихъ въ вихрѣ мірозданья,
Къ землѣ, на мигъ, чтобъ быть игралищемъ страстей,
Безумныхъ оргій, иль страданья.
Но если иногда ничтожество мое
Мнѣ говоритъ, что я не вѣченъ,
Ничто!—Ужели я тобой вочеловѣченъ
Или—подобіе твое?...
Ужели мнѣ тобой даны и слухъ, и очи
И осязанье, для того,
Чтобъ я, какъ Богъ, изъ ничего
Творилъ минуты, дни и ночи
И наполнялъ-бы ихъ собой,
Сердечнымъ трепетомъ и трепетнымъ сознаніемъ,
То отрицаньемъ, то враждой,
То безобразіемъ, то дивной красотой
И умиленнымъ упованьемъ!
Цѣпь безконечная существованій стала
Невидимой, или она ушла,
Чтобъ тьма иль пустота ее оборвала!
И чтобъ она на вѣкъ пропала!

. . . . . .

О Господи! земныхъ творцевъ Творецъ!

Не вижу, не могу и видѣть, гдѣ конецъ
Того, гдѣ Ты всему начало!
О Господи! вѣрни мнѣ то,
Чего не покоритъ всесильное ничто,—
И вѣру, и любовь, и правду, и незлобье...
Верни мнѣ образъ Твой, верни Твое подобье!

Такъ еще далеко не освободились мы отъ безумія нашего вѣка. И вѣра, и любовь, и правда, и незлобіе—это еще предметъ желанія, мольбы. Погрузившись въ чувственность, признавъ въ гориллѣ свою праматерь, люди забыли о своемъ Первообразѣ, забыли о своемъ Творцѣ. «Верни мнѣ образъ Твой, верни Твое подобье!

Что-же дѣлать? Отвернуться съ злобой и негодованіемъ отъ всего, выработаннаго наукою и искусствомъ послѣдняго времени? Сжечь книги, въ которыхъ такъ или иначе выразила себя, заявила о себѣ противница вѣры безбожная философія? Перестроить во всемъ свою жизнь и семейную и общественную и государственную на манеръ XVI и XVII вѣковъ? Но во первыхъ это невозможно, во вторыхъ и не требуется духомъ Православія. Не напрасно, а въ высшихъ цѣляхъ Провидѣнія, было допущено и это господство раціонализма; иначе нужно было-бы и намъ усумниться въ той великой истинѣ, что есть Богъ, что Онъ, а не «ничто», правитъ міромъ. И наконецъ мы столько выстрадали, такія страшныя понесли потери, и ничего не получить отъ этой ужасной борьбы—было-бы и не разумно. Въ эти два послѣдніе вѣка среди господствовавшей надъ умами лжи—все таки сказано, написано, сдѣлано много и хорошаго. Нѣтъ ни одного лжеученія, гдѣ бы нельзя было отыскать нѣсколькихъ зеренъ истины. Есть много добраго въ самыхъ противныхъ вѣрѣ сочиненіяхъ. Нѣкоторыя страницы изъ того-же душепагубнаго Эмиля, напр. о томъ, съ какимъ вниманіемъ должны относиться матери—сами матери непосредственно, а не чрезъ нянекъ и корми-

лицъ—къ первоначальному воспитанію своихъ дѣтей такъ хороши, что ихъ цѣликомъ можно было бы перепечатать въ нашихъ духовныхъ журналахъ. Преподаваніе многихъ предметовъ въ школѣ трудами новой педагогіи, хотя и дѣйствовавшей въ духѣ раціонализма, упрощено, облегчено, выяснено, благоустроено. Было бы грѣшно не воспользоваться тѣмъ, что сдѣлано для облегченія дѣтей въ ученіи. Такъ и въ другихъ областяхъ жизни. Притомъ не всѣ-же писатели и вообще дѣятели прошедшихъ двухъ вѣковъ и были въ равной степени заражены раціонализмомъ. Во все продолженіе исторіи этихъ двухъ вѣковъ мы видимъ одновременно два теченія: съ одной стороны широкою полосою и какъ-бы господственно распространяются лжеумствованія раціонализма, съ другой раздаются противъ его увлеченій и крайностей трезвые голоса со стороны тѣхъ-же мыслителей, правителей народа, служителей вѣры, дышущіе глубокою правдою жизни и искреннимъ убѣжденіемъ въ истинѣ. Собрать эти свидѣтельства истины и воспользоваться ими—было бы въ цѣляхъ добраго воспитанія, благоустроенія семьи и общества. *Вся искушающе добрая держите,* вотъ правило Православія.

Исторія иногда повторяется въ жизни народовъ. Современное положеніе раціонализма и православія во многомъ напоминаетъ состояніе человѣческаго рода предъ временемъ пришествія Спасителя. И тогда философія, взявшаяся быть руководительницею народовъ, приходила къ своему упадку. Было такое же невѣріе, погруженіе въ чувственность и развратъ. Но въ трудахъ великихъ мыслителей Сократа, Платона, Аристотеля и другихъ предлежала міру богатая сокровищница. Возсіялъ свѣтъ вѣры христіанской, и въ школахъ александрійской, антіохійской и константинопольской и на самомъ западѣ совершается нѣсколько вѣковъ продолжающійся процессъ усвоенія и переработки завѣщанныхъ древнею философіею идей. согласно великимъ истинамъ бытія

и жизни, возвѣщеннымъ въ Откровеніи. Подобная сему богатая сокровищница мыслей, воззрѣній, идеаловъ предлежитъ и теперь христіанскому православному любомудрію, и уже началась великая работа мысли, какъ это показываетъ особенное оживленіе у насъ богословской и философской науки за послѣднее время. Тоже самое должно быть и въ другихъ областяхъ науки, въ искусствѣ, въ педагогіи, въ жизни. При этомъ усвоеніи философскихъ идей и научныхъ открытій, всѣми мѣрами мы должны хранить, какъ самое дорогое сокровище, какъ зѣницу ока, святыню Православія. Православіе—это даръ, свыше ввѣренный намъ для храненія, въ немъ наша сила, въ немъ залогъ преспѣянія Россіи и всѣхъ успѣховъ ея въ будущихъ судьбахъ міра.

Заключу свое чтеніе словами богомудраго учителя нашего вѣка. «Новый Израиль, благодатный народъ Божій, не переставай хранить въ себѣ святое сѣмя: и оно хранить тебя не престанетъ. Сѣмя слова Божія въ умѣ, сѣмя вѣры во Христа и любви къ Нему въ сердцѣ, да питается молитвою, да растетъ подвигомъ, да являетъ свою силу въ жизни и дѣлахъ благихъ; и вселяющійся вѣрою въ сердца Христосъ, созидая Церковь Свою въ каждомъ и во всѣхъ, будетъ для васъ твердынею незыблемаго стоянія, оградою безопасности, вашимъ свѣтомъ и миромъ внутри, вашимъ побѣдоноснымъ оружіемъ противу всякаго внѣшняго прираженія враждебныхъ силъ видимыхъ и невидимыхъ!» *)

*) Слова и Рѣчи Филарета митрополита московскаго, т. V стр. 10.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

КНИГИ

Протоіерея Петра Смирнова.

«Слова и рѣчи»—двѣ части: въ первой части собраны въ особенности слова, говоренныя по назначенію, во второй **краткія поученія**, говоренныя въ приходской церкви въ воскресные и праздничные дни и по разнымъ случаямъ приходской жизни. Двѣ части, цѣна 2 руб. сер. Продаются и отдѣльно, каждая часть по 1 руб. сер.

УЧЕБНЫЯ КНИГИ:

Исторія христіанской православной церкви курсъ V и VI класса гимназій, цѣна 1 руб. сер.

Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта—въ объемѣ курса гимназій и реальныхъ училищъ. Двѣ книги цѣна 1-й (Ветхозавѣтной) 2-й (Новозавѣтной) 40 к. Въ первой двѣ карты и нѣсколько рисунковъ.

«Изложеніе вѣры» и **«Ученіе о любви христіанской»**—дополнительный курсъ къ Катихизису въ видѣ краткаго общедоступнаго Богословія. Двѣ книги, цѣна каждой 60 коп.

О Законѣ Божіемъ и Заповѣдяхъ—изложеніе ученія объ обязанностяхъ христіанина по руководству православнаго Катихизиса. Цѣна 40 к.

Краткая Церковная исторія—по программѣ городскихъ училищъ, цѣна 30 к.

Наставленіе въ Законѣ Божіемъ—учебникъ для церковно-приходскихъ школъ и народныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Цѣна 20 к.

Начальныя свѣдѣнія изъ исторіи Церкви. *Учебникъ* для двух-классныхъ церковно-приходскихъ школъ. Цѣна 15 к.

Начальные уроки по Закону Божію. Цѣна 5 к.

Учебныя книги одобрены для класснаго употребленія.

Церковно-приходская школа—упадокъ ея на западѣ Европы и значеніе для Россіи. Цѣна 20 к.

БРОШЮРЫ:

О Богѣ, какъ высочайшемъ Духѣ—два богословскихъ чтенія въ залѣ Московской Городской Думы. Цѣна 25 к.

О Церкви—Цѣна 10 к.

Страхъ Божій—основаніе добраго воспитанія. Цѣна 5 к.

Чудеса въ древнее и наше время. Цѣна 5 к.

О православіи вообще и по отношенію къ Славянскимъ народамъ. Цѣна 10 к.

Складъ всѣхъ учебныхъ книгъ Протоіерея Смирнова—въ книжныхъ магазинахъ Владиміра Васильевича **Думнова**, торгующаго подъ фирмою Наслѣдниковъ Братьевъ Салаевыхъ, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ домѣ Обидиной, въ С.-Петербургѣ по Екатерининскому каналу, близъ Невскаго проспекта, въ домѣ № 19-й. «**Слова и Рѣчи**» продаются у С.-Петербургскаго книгопродавца Игнатія Лукьяновича **Тузова** (Большая Садовая, Гостиный дворъ № 45), у котораго продаются также и всѣ вышеуказанныя книги. Требованія книгъ могутъ быть направляемы и къ **автору** (Спб., по Конногвардейскому бульвару, домъ причта Исаакіевскаго собора, № 5), который передастъ ихъ по принадлежности.

2007043303